МОСКВА, 20 февраля.

ГОГОЛЬ.

Завтра, 21 февраля, вся грамотная Россія вспоминаетъ объ одномъ изъ лучшихъ своихъ сыновъ, объ одномъ изъ величайшихъ своихъ художниковъ—о Гоголѣ.

Всеобщее вниманіе сосредоточивается на его личности и на его твореніяхъ, и снова возгорается съ особою силой не рѣшенный еще споръ объ истинномъ ихъ значеніи. И великій споръ этотъ касается не однихъ только чисто-литературныхъ, эстетическихъ вопросовъ, а вопросовъ наивысшихъ для человѣчества вообще, а для насъ, православныхъ Русскихъ, въ особенности,—вопросовъ этическихъ, религіозныхъ. Споръ о Гоголѣ есть споръ о самой Россіи, объ ея нравственной сущности, объ ея историческомъ призваніи.

Всѣмъ извѣстенъ основной вопросъ, вокругъ котораго совершается этотъ споръ: совмѣстимо ли искреннее, православное, церковное христіанство съ высшимъ развитіемъ духовной природы человѣка?

Отъ утвердительнаго или отрицательнаго отвѣта на этотъ вопросъ зависитъ вся будущность Россіи, и нѣтъ того мыслящаго Русскаго человѣка, который могъ бы быть равнодушнымъ къ этому вопросу, какъ по отношенію къ самому себѣ, такъ и по отношенію ко своей родинѣ. А потому не удивительно, что для всѣхъ великихъ Русскихъ писателей-мыслителей этотъ вопросъ являлся вопросомъ краеугольнымъ, и всѣ они, по мѣрѣ силъ своихъ, старались отвѣтить на него въ томъ или другомъ смыслѣ. Наиболѣе полно въ утвердительномъ смыслѣ отвѣтили на него Гоголь и Достоевскій, въ отрицательномъ—графъ Левъ Толстой.

Всѣ эти три писателя пошли, однако, дальше. Для Гоголя и Достоевскаго было ясно, что высшее развитіе духовной природы человѣка не только совмѣстимо съ православнымъ церковнымъ христіанствомъ, но что это высшее развитіе немыслимо безъ такого именно христіанства. Графъ же Толстой, наоборотъ, отвергъ это христіанство, какъ безусловно вредное для высшаго развитія духовной природы человѣка.

И вотъ образованная Россія раскололась на два лагеря, изъ которыхъ одинъ видитъ спасеніе Русскаго государства въ тѣсномъ единеніи съ Православною Церковью, а другой—въ отреченіи отъ этой Церкви. Примиренія между этими двумя крайними взглядами быть не можетъ, такъ же какъ не можетъ быть между ними средняго пути. Тотъ, кто стоитъ за единеніе Русскаго Государства съ Православною Церковью, тѣмъ самымъ стоитъ и за освященное Церковью неограниченное Самодержавіе Русскихъ Царей, и за національную самобытность Русскаго народа, а тотъ, кто отвергаетъ Православную Церковь, тѣмъ самымъ отвергаетъ и Самодержавіе, и русскую самобытность. Таковы неизбѣжныя логическія послѣдствія того и другаго основнаго образа мыслей. И тотъ, кто, какъ, напримѣръ, Владиміръ Соловьевъ, старался найти эклектическій путь между этими двумя коренными формами русскаго мышленія, всегда по необходимости запутывался въ безнадежныхъ противорѣчіяхъ.

Еслибы великій споръ, раздирающій современную Россію, велся исключительно на почвѣ политической и философской, онъ былъ бы въ сущности очень простъ и ясенъ. Но разъ въ немъ приняли участіе, и участіе главенствующее, выдающіеся дѣятели русскаго художественнаго творчества, великій русскій споръ по необходимости усложнился, перейдя съ почвы строгой логики на почву эстетическую. Въ антицерковномъ лагерѣ никто не рѣшается отвергать великихъ художественныхъ дарованій Гоголя и Достоевскаго, отвергая ихъ христіанскую проповѣдь и объясняя ее болѣзненнымъ заблужденіемъ самихъ художниковъ. Точно такъ же искренніе поборники Православной Церкви, протестуя противъ антицерковныхъ тенденцій Толстаго, охотно признаютъ въ немъ великаго мастера на поприщѣ художественнаго творчества.

Но этимъ не кончилось усложненіе спорнаго вопроса. Въ то время какъ Достоевскій самъ находилъ вполнѣ логичнымъ и гармоничнымъ постепенное развитіе своихъ этическихъ взглядовъ, шедшихъ рука объ руку съ развитіемъ его художественнаго творчества, какъ Гоголь, такъ и Толстой, дойдя до вершины своего художественнаго развитія, сами *отреклись* отъ него, начавъ новую жизнь, руководствуясь одними лишь этическими соображеніями. *

А между тѣмъ мотивы этого самоотреченія въ томъ и другомъ случаѣ были далеко не одинаковы, и насколько они даже съ перваго взгляда ясны въ духовной эволюціи Толстаго, настолько же они до сихъ поръ еще окончательно не выяснены по отношенію къ Гоголю.

Въ нашемъ антицерковномъ лагерѣ, именующемся „либеральнымъ“ или „прогрессивнымъ“, взглядъ на духовную эволюцію Гоголя установился очень грубый по свой простотѣ: *сперва* де Гоголь былъ *здоровъ*, такъ какъ очень смѣшно издѣвался надъ дореформенною Россіей, а *потомъ* онъ прекратилъ эти издѣвательства и сталъ человѣкомъ религіознымъ, а это можно де объяснить только тѣмъ, что онъ *съ ума сошелъ*.

Противъ такого недобросовѣстно-тенденціознаго толкованія возстали болѣе серіозные и вдумчивые критики Гоголя, среди которыхъ Ю. Н. Говоруха-Отрокъ всего ближе подошелъ къ истинѣ, признавъ религіозность Гоголя *основнымъ* элементомъ всего его художественнаго творчества * и доказавъ это въ цѣломъ рядѣ блестящихъ статей.

Но и при этомъ вѣрномъ толкованіи оставалась все-таки не вполнѣ разрѣшенная загадка: почему же Гоголь выбралъ такую форму художественнаго творчества, которая породила столько недоразумѣній относительно ихъ основнаго христіанскаго элемента? Вѣдь вотъ Достоевскій въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ сказалъ именно то, что̀ онъ хотѣлъ сказать, не только въ эстетическомъ, но и въ этическомъ отношеніи. Почему же Гоголь не сдѣлалъ того же самаго? Почему онъ выбралъ для серіозной христіанской проповѣди наименѣе подходящую для нея форму комедіи и комическаго эпоса?

Да потому, отвѣтимъ мы, что *у него другаго выбора не было.*

Нравственное убѣжденіе человѣкъ составляетъ себѣ самъ, на основаніи своего жизненнаго и душевнаго опыта. Въ художественномъ же дарованіи своемъ человѣкъ не воленъ: онъ родится съ нимъ, онъ можетъ его развить, но измѣнить его не можетъ. Поэтъ-лирикъ останется всегда лирикомъ, сатирикъ — сатирикомъ, трагическій писатель—трагикомъ. Лишь изрѣдка являются великіе геніи, совмѣщающіе въ себѣ всѣ поэтическія дарованія, тогда они называются Шекспирами, Гэте, Пушкиными. Въ удѣлъ Гоголя былъ данъ по силѣ своей величайшій, но по существу своему довольно ограниченный, поэтическій даръ—талантъ комедіи, добродушнаго юмора и ѣдкой сатиры. Въ этой сферѣ онъ достигалъ высотъ Аристофана и далеко превосходилъ Мольера, но другой поэтической сферы въ его распоряженіи не было. Въ его лирѣ была только одна дивная, неподражаемая струна, но только одна. Онъ ударялъ по ней, и все кругомъ улыбалось, смѣялось, хохотало.

И вотъ художникъ съ этимъ единственнымъ даромъ неподражаемаго комизма вырабатываетъ въ своей глубоко-христіанской душѣ величайшіе идеалы религіознаго міросозерцанія. Найденную имъ великую православную истину онъ хочетъ повѣдать міру путемъ своего художественнаго дарованія, но колеблется, сознавая, что родъ его дарованія по своей сущности не подходитъ къ великому содержанію христіанской проповѣди. Онъ, однако, превозмогаетъ эти колебанія, надѣясь, что его сатирическій талантъ сослужитъ ему службу въ томъ отношеніи, что выставитъ всю пустоту и пошлость грѣховнаго міра человѣка и этимъ, путемъ невольнаго контраста, подвигнетъ его къ религіозно-нравственному возрожденію. И вотъ онъ пишетъ комедію *Ревизоръ* и комическую „поэму“, которой онъ посвящаетъ всѣ свои силы—*Мертвыя Души.*

И что̀ же? Онъ убѣждается, что разчеты его были невѣрны, что выведенная имъ человѣческая пошлость и пустота вызываютъ лишь хохотъ, но никакому нравственному возрожденію человѣчества не содѣйствуютъ, что чѣмъ ярче блещутъ его художественныя произведенія, тѣмъ менѣе они соотвѣтствуютъ своей основной цѣли. Онъ убѣждается, что его художественное дарованіе дѣйствительно не соотвѣтствуетъ тому серіозному дѣлу, которому онъ его предназначалъ, что другаго, столь же сильнаго, дарованія у него нѣтъ, что онъ всегда останется непонятымъ тою большою публикой, къ которой онъ обращался со своею сокровенною проповѣдью, и что цѣль его жизни навсегда для него останется недостижимою.

Таково было поистинѣ трагическое положеніе Гоголя, столь удручавшее его въ теченіе всей второй половины его жизни, когда онъ отрекся отъ своей художественной дѣятельности, удалился отъ свѣта и сосредоточился надъ великимъ дѣломъ спасенія своей собственной души, послѣ того какъ убѣдился, что онъ не имѣетъ возможности спасать чужія души. Онъ, правда, дѣлаетъ еще послѣднюю попытку, оглашаетъ свою *Переписку съ друзьями*, въ которую выливаетъ всю свою душу, не прибѣгая къ какимъ-либо художественнымъ пріемамъ, но эта книга подвергается безпощадной критикѣ даже со стороны его друзей, не подозрѣвавшихъ великой трагедіи пережитой Гоголемъ въ самыхъ глубокихъ тайникахъ его души, трагедіи тѣмъ болѣе мучительной, что онъ придавалъ своей проповѣди христіанства первостепенно-жизненное значеніе, сознавалъ себя неспособнымъ исполнить свое завѣтное желаніе и видѣлъ себя непонятымъ окружавшимъ его обществомъ. Онъ обличалъ грѣховную пошлость людей вообще, но, конечно, принужденъ былъ изображать, по художественнымъ требованіямъ своего таланта, не отвлеченныхъ, а живыхъ людей, жившихъ въ современномъ ему обществѣ. И вотъ создалось невѣрное убѣжденіе, что бичи его сатиры направлены не противъ человѣчества съ его вѣчными грѣхами и пороками, а противъ тогдашняго именно общественнаго и даже государственнаго строя, при которомъ будто бы только и могли существовать пустые и пошлые люди! Это убѣжденіе такъ глубоко вкоренилось въ нашемъ „либеральномъ“ лагерѣ, овладѣвшемъ нашею школой, печатью, а слѣдовательно и всею „интеллигенціей“, что и сегодня, пятьдесятъ лѣтъ по кончинѣ Гоголя, его всюду прославляютъ не такимъ, какимъ онъ былъ, смиреннымъ, кающимся и призывавшимъ къ покаянію христіаниномъ, а такимъ, какимъ онъ не былъ,—дерзкимъ сатирикомъ и циническимъ скоморохомъ вродѣ какого - нибудь Щедрина.

Непонятый, оскорбленный, отчаявшійся въ своихъ силахъ, съ душой истерзанною тяжелою борьбой, Гоголь смирился передъ Богомъ, отказался отъ всякаго признака гордости, самолюбія и земной славы и кончилъ свою жизнь истиннымъ христіаниномъ, покорившимся Воли Господней.

Какой разительный контрастъ съ графомъ Львомъ Толстымъ! И Толстой отрекся отъ прежней своей художественной дѣятельности; но началъ новую, въ которой онъ не смиряется предъ Богомъ, а поставилъ свой разумъ выше Бога и Его завѣтовъ, не отказался отъ гордости, а весь преисполнился ею, всячески стараясь увеличить свою земную славу и не находя предѣловъ для своего самовосхваленія и самообожанія. Гоголь преклонился предъ Евангеліемъ Христа, а Толстой предъ сочиненнымъ имъ самимъ лжеевангеліемъ, а слѣдовательно предъ самимъ собой, призывая людей не къ смиренію и покаянію, а къ разрушенію Богомъ установленнаго общественнаго и государственнаго строя...

Гоголь, въ своемъ истинно-христіанскомъ смиреніи, не желалъ чтобъ ему ставили памятникъ, а желалъ лишь чтобы люди помнящіе его не переставали работать надъ своимъ религіозно-нравственнымъ возрожденіемъ.

Нынѣ Россія ставитъ ему памятникъ, а о своемъ религіозно-нравственномъ возрожденіи очень мало заботится.

Будемъ надѣяться, что пройдетъ еще пятьдесятъ лѣтъ, и Гоголю будетъ воздвигнутъ въ сердцѣ каждаго Русскаго человѣка тотъ памятникъ, о которомъ мечталъ великій нашъ художникъ-христіанинъ. Богъ дастъ, къ тому времени великій споръ о немъ и объ единеніи Россіи съ Православною Церковью будетъ окончательно рѣшенъ въ единственно - вѣрномъ смыслѣ, что, такъ же какъ Гоголь въ своемъ творчествѣ находился въ неразрывномъ единеніи съ Православною Церковью, такъ же и Россія, въ исполненіи своего историческаго призванія, должна быть неразлучна съ тою же Церковью Христовой.

* Мы оставляемъ въ сторонѣ вопросъ объ *искренности* этихъ убѣжденій, причемъ, однако, констатируемъ тотъ фактъ, что въ полной искренности Гоголя не сомнѣваются даже его противники по религіознымъ вопросамъ.

* См. *Моск. Вѣд.* № 47. А. Басаргинъ „Изъ исторіи критики произведеній Гоголя“.

ГОГОЛЬ И МОСКВА.

Завтра настанетъ полвѣка со дня кончины Гоголя...

Москва, точно исполняя предсмертный завѣтъ великаго писателя—„помолиться покрѣпче о душѣ его“, начинаетъ свои благодарныя воспоминанія о немъ заупокойною службой въ Даниловомъ монастырѣ, а затѣмъ сопроводитъ достойное чествованіе знаменитаго русскаго автора засѣданіями въ Московскомъ Университетѣ и въ учено-литературныхъ Обществахъ, художественною выставкой и лучшимъ воспроизведеніемъ безсмертной комедіи *Ревизоръ* въ театрахъ,—снова оправдывая его слова: „мы движемся благодарностію къ поэту, подарившему намъ наслажденія души своими произведеніями; мы спѣшимъ принести ему дань уваженія“.

Такая тѣсная связь нашей столицы съ именемъ Гоголя проявилась съ давнихъ поръ, еще на свѣтлой зарѣ его литературной дѣятельности, и основывалась на самыхъ высокихъ взаимныхъ душевныхъ чувствахъ, какія великій писатель питалъ къ Первопрестольной, а Москвичи—къ знаменитому русскому автору.

Въ самомъ дѣлѣ, Москва, въ лицѣ просвѣщенныхъ любителей литературы, скоро оцѣнила и признала въ Гоголѣ блестящее дарованіе; еще при появленіи его первыхъ повѣстей, „мы, — пишетъ Москвичъ - Аксаковъ,—были въ полномъ восторгѣ отъ Гоголя; Московскіе студенты всѣ пришли отъ него въ восхищеніе и распространили въ Москвѣ громкую молву о новомъ великомъ талантѣ“. Чѣмъ далѣе шло время, чѣмъ шире развертывался геній писателя, тѣмъ болѣе росло среди Москвы уваженіе къ нему, выразившееся, наконецъ, въ избраніи его дѣйствительнымъ членомъ старѣйшаго Общества Любителей Россійской Словесности (1836 г.) и въ поднесеніи ему диплома на званіе почетнаго члена Московскаго Университета (1845 г.).

Затѣмъ, именно въ Москвѣ, Гоголь нашелъ въ кругу семьи Аксаковыхъ и Хомяковыхъ, въ лицѣ артиста Щепкина, Погодина, Языкова, Шевырева и др., не только благоговѣйныхъ почитателей, но и искренно-преданныхъ ему друзей: имъ онъ читалъ свои подготовленныя къ печати сочиненія и внимательно прислушивался къ ихъ отзывамъ; имъ повѣрялъ даже свои завѣтныя мысли, какъ, напримѣръ,— предположеніе, „чтобы часть суммы отъ продажи его сочиненій обращалась въ помощь молодымъ талантливымъ людямъ, воспитывающимся въ Московскомъ Университетѣ“; отъ этихъ же близкихъ людей писатель нерѣдко получалъ и матеріальную, и нравственную поддержку въ самые тяжелые періоды своей жизни.

Вотъ почему съ душевною благодарностью онъ писалъ Москвичу-Аксакову:

„Участіе ваше меня тронуло. Пріятно думать, что среди многолюдной, неблаговолящей толпы скрывается тѣсный кружокъ избранныхъ, повѣряющій творенія наши вѣрнымъ внутреннимъ чувствомъ и вкусомъ; еще болѣе пріятно, когда глаза его обращаются на творца съ тою любовью, какая дышетъ въ вашемъ письмѣ...“

Да и сама Москва, какъ древняя православная столица, полная святынь и историческихъ преданій, всегда вызывала въ Гоголѣ благодарныя чувства и воспоминанія. Нравилось ему подъ Свѣтлое Воскресенье отправиться въ Кремль, „чтобъ услышать на площади первый ударъ колокола Ивана Великаго“; не забылъ онъ, уѣзжая за границу, выйти изъ экипажа на Поклонной горѣ, полюбоваться на Москву и „проститься съ нею низкимъ поклономъ“...

„Съ гордостію,—писалъ вскорѣ Гоголь,—понесу въ душѣ своей просвѣщенную признательность старой столицѣ изъ моей родины и сберегу ее, какъ святыню, въ чужой землѣ.“

Даже изъ своего „прекраснаго далека“, изъ чудной Италіи, великій писатель стремился не въ Малороссію, свою родину, а въ древнюю столицу, называя ее „своею“, „доброю“, „дорогою“, и, прибавляя, что „Москва всегда была ко мнѣ благосклонна“, Гоголь еще за десять лѣтъ до кончины высказалъ желаніе „переѣхать въ Москву *навсегда*“...

Желаніе геніальнаго творца *Ревизора* и *Мертвыхъ Душъ* исполнилось въ точности: онъ провелъ въ нашей столицѣ свои предсмертные дни, скончался въ ней и успокоился навѣки подъ сѣнію Московскаго Данилова монастыря...

Да и Москва, его любимая столица, осталась „навсегда къ нему благосклонною“: въ теченіе полувѣка она хранила дорогую могилу Гоголя, единодушно теперь собирается чествовать его имя, а въ недалекомъ будущемъ готовится соорудить ему достойный памятникъ...

П. Р. С.

НА МОГИЛѢ ГОГОЛЯ.

Ровно десять лѣтъ тому назадъ, посѣтивъ Даниловскій монастырь, я подѣлился съ читателями тѣми впечатлѣніями, которыя навѣяла на меня могила Гоголя. Между прочимъ, я говорилъ:

„Много писалось о „„забытыхъ могилахъ““ нашихъ знаменитыхъ людей; приводились примѣры поразительной небрежности, окружающей эти могилы. Судьба пошадила въ этомъ отношеніи могилу Гоголя, хотя и тутъ не видно какихъ-нибудь слѣдовъ особенной заботливости о мѣстѣ, гдѣ погребенъ прахъ безсмертнаго русскаго писателя. Его могила не окружена рѣшеткой, кругомъ ея не расчищенъ снѣгъ, надъ нею нѣтъ желѣзнаго навѣса, чтобы защитить памятникъ отъ атмосферическихъ явленій. Но къ памятникамъ на могилѣ не прикоснулось еще разрушеніе, и это можно приписать ихъ прочности.“ *

Черезъ десять лѣтъ совершенно то же впечатлѣніе оставляетъ могила Гоголя. Разница въ обстановкѣ лишь та, что снѣгъ кругомъ ея теперь расчищенъ,—все-таки какъ будто слѣды чьей-то заботливости. Но зато и высокая плита замѣтно избочилась, вростая лѣвою частью въ землю, и мѣдный массивный крестъ на глыбѣ еще больше накренился въ ту же лѣвую сторону.

И надгробная плита, и обледенѣлая глыба, и наклонившійся крестъ безмолвно и краснорѣчиво какъ будто говорятъ: „Что̀ же, не мы виноваты, что мы такъ прочны и за пятьдесятъ лѣтъ не успѣли разрушиться; не мы виноваты, что здѣсь вы не видите обычной картины полной мерзости запустѣнія, которая окружаетъ могилы многихъ изъ вашихъ великихъ и знаменитыхъ людей“...

* * *

Когда Гоголь умеръ, возникъ вопросъ: гдѣ отпѣвать его тѣло. Друзья и близкіе люди назначали для этого приходскую церковь Симеона Столпника (на Поварской), гдѣ Гоголь любилъ бывать за службой. Но Университетъ, по выраженію А. С. Хомякова, „спохватился“, что Гоголь числился его почетнымъ членомъ, и послѣ нѣкотораго разногласія въ выборѣ той или иной церкви, отпѣваніе праха совершилось въ университетской.

Но, писалъ Хомяковъ, „ляжетъ Гоголь все-таки рядомъ съ Валуевымъ (Д. А.), Языковымъ (Н. М.), Катенькой ** и современемъ со мною, подъ славянскою колонной Венелина. Такъ и надобно было.“

Очевидно, друзьямъ принадлежалъ выборъ мѣста послѣдняго упокоенія Гоголя.

Насколько извѣстно, Гоголь не дѣлалъ по этому поводу никакихъ распоряженій. Въ Даниловскомъ монастырѣ въ то время уже покоился Языковъ, одинъ изъ тѣхъ немногихъ друзей Гоголя, съ которыми искренность отношеній у него никогда или, можетъ-быть, почти никогда не нарушалась. Одно время Гоголь чуть не съ восторгомъ мечталъ о томъ, какъ онъ поселится съ Языковымъ вмѣстѣ въ Москвѣ. При жизни ихъ мечта не осуществилась,—а на вѣчный покой суждено было имъ лечь рядомъ.

На томъ же кладбищѣ Даниловскаго монастыря похоронена была и жена А. С. Хомякова, къ которой Гоголь былъ горячо привязанъ.

Мѣсто для могилы умершаго писателя выбрали неподалеку отъ ихъ могилъ и отъ могилы Венелина. При теперешнемъ расположеніи монастырскихъ построекъ и службъ, могилу Гоголя можно разыскать такъ.

Все кладбище состоитъ изъ трехъ частей, раздѣленныхъ между собою церковными и жилыми зданіями. Отъ входа въ главныя монастырскія ворота направо—сѣверо-западная часть кладбища, налѣво—сѣверо-восточная, а дорожка прямо изъ воротъ ведетъ въ юго-восточную часть, въ которой находится и могила Гоголя. Дорожка эта, мощеная гранитомъ, приводитъ къ подъѣзду монастырскихъ келлій, а свернувъ отъ подъѣзда влѣво и тотчасъ вправо, вы попадете уже на Гоголевскую дорожку. Черезъ нѣсколько шаговъ, съ лѣвой стороны, высится бѣлая мраморная колонна. Ее воздвигли „Одесскіе Болгаре“ Ю. И. Венелину († 1839), который „напомнилъ свѣту о забытомъ, но нѣкогда славномъ, могущественномъ племени Болгаръ и пламенно желалъ видѣть его возрожденіе“.

Еще два шага до могилъ Языковыхъ и Хомяковыхъ, расположенныхъ влѣво отъ дорожки, а напротивъ ихъ и могила Гоголя.

* * *

Въ сороковой день послѣ смерти Гоголя, въ Даниловскій монастырь собрались помянуть его друзья и почитатели. Отстоявъ обѣдню и панихиду, всѣ сошлись у дорогой могилы, усыпанной живыми цвѣтами. Выслушали литію, а потомъ пошли на поминальную трапезу тутъ же, въ монастырѣ.

Во время обѣда читали во всеуслышаніе письмо покойнаго о праздникѣ Свѣтлаго Христова Воскресенія въ Россіи: поминки пришлись какъ разъ на Пасхѣ. Тутъ же и тогда же заговорили о надгробномъ памятникѣ, о надписяхъ на немъ. Одну надпись выбрали, и всѣ ее одобрили. Это было изрѣченіе изъ пророка Іереміи: *Горькимъ словомъ моимъ посмѣюся.* *

* * *

Памятникъ на могилѣ Гоголя состоитъ изъ двухъ частей.

Одна изъ нихъ—высокая массивная плита чернаго мрамора, въ формѣ гробницы. На верхней ея плоскости надпись: *Здѣсь погребено тѣло Н. В. Гоголя, род. 19 марта 1809 года, сконч. 21 февраля 1852 года.* Остальныя надписи расположены такъ. Спереди: *Горькимъ словомъ моимъ посмѣюся.* Іереміи, гл. 20, ст. 8. Справа: *Истиннымъ же уста исполнитъ смѣха, устнѣ же ихъ исповѣданія.* Іова, гл. 8, ст. 21. Слѣва: *Мужъ разумивый престолъ чувствія.* Притчей, гл. 12, ст. 23. *Правда возвышаетъ языкъ.* Притчей, гл. 14, ст. 23.

Къ задней сторонѣ этого памятника тѣсно примыкаетъ другой: глыба гранита, неправильной формы и необдѣланная. На ней водруженъ высокій массивный крестъ, изъ толстыхъ мѣдныхъ пластинъ, спаянныхъ въ углахъ. На глыбѣ надпись: *Ей, гряди, Господи, Іисусе.* Апок., гл. 22, ст. 20.

* * *

Мѣдный крестъ весь испещренъ надписями, нацарапанными чѣмъ-нибудь острымъ, или сдѣланными карандашомъ. Ихъ такъ много, что въ общемъ они составили какой-то причудливый и безформенный узоръ. Разобрать что-либо очень трудно, кромѣ фамилій.

Тому назадъ десять лѣтъ это еще можно было сдѣлать. Тогда можно было узнать даже, къ какому слою общества принадлежали эти лица, пожелавшія начертать свои имена. Кромѣ фамилій и именъ на крестѣ, встрѣчались тогда стихотворенія, изрѣченія, краткія характеристики. Напримѣръ, такія:

Милліоны людей, чтя память твою,
Тебѣ поклониться спѣшатъ
И, любовь выражая у камня свою,
О ранней кончинѣ твоей сожалѣютъ.

Или:

И мы (такіе-то) пришли къ тебѣ,
О, Гоголь милый,
Поплакать на твоей могилѣ.

„Человѣкъ онъ былъ!“ восклицалъ одинъ.—„Ты правдою своею заслужилъ себѣ безсмертіе“, характеризовалъ писателя другой его почитатель.

Теперь не видать такихъ надписей, хотя число ихъ, въ видѣ фамилій, безконечно! Любители изображать гдѣ ни попало свои имена, испещрили также и всю скамейку, стоящую противъ памятника, добираются и до самаго памятника. Одинъ изъ нихъ уже увѣковѣчилъ себя, нацарапавъ свою фамилію на полированной поверхности мрамора.

Къ общей картинѣ вся эта пестрота надписей, бьющая въ глаза своею назойливостью и непрошенностью, прибавляетъ грустные штрихи. Толпа,—

безсмысленный народъ,
Поденщикъ, рабъ нужды, заботъ,

стремится связать свое имя съ именемъ генія, и ея каждый атомъ вѣдь тоже жаждетъ безсмертія! И приходятъ на память слова Пушкина:

Блаженъ, кто молча былъ поэтъ,
И, терномъ славы не увитый,
Презрѣнной чернію забытый,
Безъ имени покинулъ свѣтъ.

А. Я.

* *Моск. Вѣд.*, 1892, № 51.

** Жена Хомякова, смерть которой въ особенности поразила Гоголя.

* *Москвитянинъ*, 1852, апрѣль, кн. 2, стр. 139.